

НЕКОТОРЫЕ ОСТРОВА НЕ ХОТЯТ,
ЧТОБЫ ИХ НАШЛИ

ПРОКЛЯТИЕ
СОЛОВКОВ

— — — — —
+

Red1dark

Red1dark

Проклятие соловков

«Автор»

2026

Red1dark

Проклятие соловков / Red1dark — «Автор», 2026

Северный морской берег в густом белом тумане, ранний рассвет. На переднем плане — древняя каменная спираль-лабиринт, выложенная из тёмных валунов прямо на мокром плитняке. Внутри спирали едва угадывается слабое свечение. Вдали — силуэт белого монастыря с колокольней, растворяющийся в тумане. Общая палитра: холодный серо-синий, белый туман, тёмный камень. Атмосфера: мистика, тайна, Русский Север. Без людей.

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1. Туман с востока	6
Глава 2. Архив	8
Глава 3. Берег	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Red1dark

Проклятие соловков

Дисклеймер

Проклятие Соловков

Все события, организации и персонажи в этой книге являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, структурами или событиями случайно. Президент «Утин» и иные должностные лица, упомянутые в тексте, не являются отсылкой к каким-либо реальным политическим деятелям. Книга написана исключительно в художественных целях.

Возрастное ограничение: 16+

Глава 1. Туман с востока

Катер вошёл в пролив, когда солнце уже почти легло на воду.

Максим Вересов стоял на носу и смотрел, как острова выступают из тумана — медленно, неохотно, точно не желая быть увиденными. Сначала появился тёмный силуэт леса, потом — белая игла колокольни, потом всё остальное: стены, башни, берег, усеянный мокрыми валунами. Соловки открывались не сразу. Будто проверяли — стоит ли.

Он достал телефон и сфотографировал горизонт. Снимок вышел серым и плоским — никакой фотографии не давалась эта особенная северная светотень, где небо и вода почти одного цвета, а граница между ними существует лишь как договорённость.

Договорённость. Слово зацепилось и осталось.

Максим убрал телефон в карман куртки и поднял воротник. Конец августа на Белом море — это не то, к чему готовятся заранее. Он готовился, и всё равно не угадал. Ветер здесь был другим — не московским, не питерским, не тем, что бывает на Балтике. Он шёл как будто из самой воды, снизу, и нёс с собой запах водорослей, соли и чего-то ещё — чего Максим не мог назвать, но что вызывало странное чувство: не тревогу, не предвкушение, а что-то среднее. Узнавание чего-то, чего он никогда не видел.

— Первый раз? — спросили сзади.

Он обернулся. Рядом стоял мужчина лет шестидесяти — широкий в плечах, в брезентовой куртке, застёгнутой до подбородка, с лицом, которое северный ветер обтесал до простой, почти геометрической формы. Он смотрел не на Максима, а на острова.

— На Соловках? — уточнил Максим.

— На Соловках, — подтвердил мужчина, и в интонации не было вопроса — только констатация.

— Да. Первый раз.

Мужчина кивнул, словно это многое объясняло. Помолчал. Потом сказал — негромко, без всякого назидания:

— Они не любят, когда на них смотрят вот так. С фотоаппаратом.

— Кто — они?

Но мужчина уже отошёл на корму и больше не смотрел в его сторону.

Максим проводил его взглядом — брезентовая спина, тяжёлая походка человека, привыкшего к качке, — и снова повернулся к берегу. Острова приближались. Колокольня выросла, стала конкретной, обросла деталями: крест, чуть наклонённый к северу, пятна мха на белёных стенах, узкие окна-бойницы, из которых монастырь смотрел на море так же, как море смотрело на монастырь, — без выражения, без враждебности, но и без тепла.

Добро пожаловать, — подумал Максим и почему-то усмехнулся.

Гостевой дом при монастыре назывался «Паломник» и представлял собой двухэтажное деревянное строение с крашеными голубой краской наличниками — краска облупилась до серого дерева в тех местах, куда чаще всего бил ветер. Внутри пахло хвоей, сыростью и, почему-то, свечным воском, хотя до ближайшей часовни было метров триста.

Хозяйка — немолодая женщина с таким усталым лицом, что его выражение уже перестало что-либо выражать, — выдала ключ от номера на втором этаже, сообщила, что завтрак с семи до девяти, и добавила напоследок, без всякой связи с предыдущим:

— По вечерам на берег не ходите.

Максим поставил сумку у ног.

— Почему?

— Туман. Скользко, — сказала она и ушла за стойку.

Номер был маленький и чистый. Кровать, стол, окно с видом на монастырскую стену. На подоконнике стоял стакан с засохшим вереском — кто-то принёс и забыл. Максим положил планшет на стол, достал папку с командировочными документами, разложил по порядку. Письмо от Российского исторического общества. Разрешение на работу в монастырском архиве, подписанное настоятелем — отцом Серафимом. Список рукописей, которые предстояло каталогизировать. Стандартный набор, скучный на первый взгляд.

Но Максим знал — в архивных делах скучный первый взгляд редко совпадает со вторым.

Он сел к окну. Монастырская стена в сумерках была почти чёрной, и на её фоне медленно, почти незаметно двигалась фигура — монах в тёмной рясе, с фонарём. Шёл вдоль стены, освещая каждый шаг, и пятно света двигалось вместе с ним, маленькое и живое среди неподвижного камня.

Максим смотрел, как фигура обогнула угол башни и исчезла.

Потом достал телефон и набрал короткое сообщение в рабочий чат: Прибыл. Завтра начинаю работу в архиве.

Ответ пришёл через минуту: Удачи. Там хорошие фонды.

Он закрыл телефон и долго ещё сидел у окна, глядя на стену.

Где-то далеко — за стеной, за лесом, за краем острова — глухо ударило море.

Глава 2. Архив

Отец Серафим принял его на следующее утро, в половине десятого, в маленьком кабинете за ризницей.

Максим ожидал увидеть архетипического настоятеля — грузного, благодушного, с заготовленными фразами о духовном и туристическом значении обители. Вместо этого за столом сидел худой старик с глазами, которые Максим про себя немедленно охарактеризовал как «нехорошие» — не злые, не холодные, а именно нехорошие в том смысле, в каком бывают нехорошими места: слишком много всего видевшие.

— Вересов Максим Андреевич, — сказал отец Серафим, не поднимая взгляда от лежащей перед ним бумаги. — Историк. Специализация — средневековая русская рукописная традиция. Кандидат исторических наук. Последние два года — Москва, архив Синодальной библиотеки.

— Верно.

— Женаты?

Максим помолчал секунду.

— Нет.

Отец Серафим поднял взгляд. Пауза между вопросом и ответом не прошла мимо него — Максим это почувствовал по тому, как изменился взгляд: не сочувственно, а внимательно.

— Доступ к архиву вы получите, — сказал настоятель, откладывая бумагу. — С одним условием.

— Я слушаю.

— Всё, что вы найдёте в разделе, который в описи значится как «Фонд Особого хранения», — остаётся здесь. Никаких копий, никаких фотографий. Вы можете делать рукописные выписки — только для научного каталога, только для работы с открытыми фондами.

Максим кивнул медленно.

— А что именно в Особом хранении?

— Документы, которые нас не касаются, — сказал отец Серафим таким тоном, каким говорят о вещах, которые касаются очень сильно.

Они смотрели друг на друга. В тишине кабинета слышно было, как за окном кто-то из монахов колет дрова — размеренно, без спешки.

— Хорошо, — сказал Максим.

— Брат Тихон проводит вас.

Брат Тихон оказался высоким парнем лет двадцати с небольшим, с руками, которые явно не знали, куда себя девать. Он шёл чуть впереди по монастырскому двору, время от времени оглядывался — не из вежливости, а как будто проверял, идёт ли Максим следом или уже куда-то свернул. Взгляд был настороженный, но не враждебный.

— Давно здесь? — спросил Максим.

— Три года, — ответил Тихон.

— Местный?

— Из Кеми.

— Нравится?

Тихон снова оглянулся. На этот раз с выражением, которое Максим не сразу расшифровал: человек, которому задают вопрос, на который нет правильного ответа.

— Нравится, — сказал он наконец. — Тихо.

Они спустились по каменной лестнице — влажные ступени, запах старого камня, впитавшего столетия сырости, — и оказались в длинном коридоре с низкими сводчатыми потолками. Здесь горели лампочки в железных плафонах, тёплые и редкие, как огни маяков.

— Архив, — сказал Тихон, останавливаясь у тяжёлой деревянной двери. Достал ключ.
— Я буду рядом, если понадобится.

— Спасибо.

Максим взялся за дверную ручку — холодный металл, отполированный многими руками — и потянул.

Архив встретил его запахом, который он любил с детства и никогда не мог описать точно: не просто бумага и пыль, а что-то сложнее — время, ставшее веществом. Стеллажи от пола до потолка, папки, коробки, свитки в деревянных футлярах. У дальней стены — отдельный шкаф с кованым замком, без описи снаружи.

Особое хранение.

Максим прошёл мимо него, не останавливаясь. Сел за стол посередине комнаты, раскрыл планшет, достал карандаш. Открыл первую папку из списка.

Работа началась.

Он просидел в архиве до двух часов дня, не замечая времени — это с ним случалось всегда, как только перед ним оказывался старый текст. Рукописи XVIII века, монастырские хозяйственные книги, переписка с материком. Скучный первый взгляд, как и ожидалось.

На втором взгляде он нашёл первую странность.

В одной из хозяйственных книг — 1887 года, записи о поставках рыбы и свечей — посередине страницы, между записью о доставке пшеницы и отметкой о починке кровли, стояло одно предложение, написанное другой рукой, более тонким пером:

«Туман пришёл в ночь на пятое. Брат Иларион не возвращался. Символы обновлены».

И всё. Следующая запись — снова о пшенице.

Максим перечитал три раза. Достал карандаш и аккуратно записал в блокнот.

Символы обновлены.

Он встал, прошёлся по архиву, остановился у кованого шкафа. Замок был старый — не тот, что ставят ради порядка, а тот, что ставят ради дела. Массивный, из потемневшего железа.

Максим убрал руки в карманы и вернулся к столу.

Вечером, когда он выходил из монастыря, брат Тихон шёл за ним до самых ворот — тихо, на расстоянии, как человек, которому велели присматривать, но не велели это скрывать.

Глава 3. Берег

Хозяйка сказала — на берег вечером не ходить.

Максим пошёл.

Не из упрямства — из привычки проверять запреты на прочность: редко бывало, чтобы человек запрещал что-то без причины, и эта причина почти всегда оказывалась интереснее самого запрета.

Берег открылся за полосой леса — узкая каменистая полоса между деревьями и водой, покрытая мокрым плитняком и бурыми водорослями. Закат здесь выглядел иначе, чем с катера: ниже, тяжелее, как будто солнце не садилось, а тонуло. Море было неподвижным и очень тёмным. Где-то далеко — настолько далеко, что звук доходил задержанным, чужим — кричала птица.

Максим шёл вдоль берега и смотрел под ноги.

Потом остановился.

Камни перед ним были выложены в рисунок — не случайный, не природный. Спираль диаметром метра три, аккуратная, с узкими промежутками между рядами. Внутри спирали — маленький круг из камней поменьше. В центре круга — ничего.

Максим присел на корточки. Камни были сухими, хотя прилив должен был пройти по этому берегу часа три назад. Он поднял один — плоский, серый, с ровным краем. Осмотрел. Ничего особенного. Положил обратно, точно на место.

— Не надо трогать.

Голос пришёл сзади — негромкий, без интонации. Максим обернулся.

На берегу стоял тот самый мужчина с катера. Брезентовая куртка, широкие плечи, лицо в сумерках казалось высеченным из того же камня, что лежал под ногами. В руке — деревянный ящик с рыболовными снастями.

— Захар, — сказал мужчина. Не представился — просто назвал имя, как обозначают координату.

— Максим, — ответил Вересов, поднимаясь.

— Знаю.

— Это... лабиринт? — Максим кивнул на спираль.

Захар посмотрел на камни так, как смотрят на старых знакомых, которым не рады.

— Сейд. Древний. Ему три тысячи лет, может, больше. Таких на острове восемь. Туристы думают — просто узор. Паломники думают — языческий идол, крестятся и обходят стороной.

— А вы что думаете?

— Я думаю, что не надо трогать, — повторил Захар и пошёл вдоль берега, не приглашая следовать за собой.

Максим последовал.

— Камни свежие, — сказал он, догнав рыбака. — Кто-то их выкладывал недавно.

— Видно.

— Это не туристы делают?

— Туристы фотографируют и едут домой, — сказал Захар. — Это другое.

Они шли молча. Море справа двигалось едва заметно — длинные, ленивые волны, почти без пены. Слева стоял лес, тёмный и плотный, как стена.

— Три недели назад здесь пропали двое, — сказал Захар вдруг.

Максим покосился на него.

— Я слышал. Паломники.

— Паломница и турист. Пришли порознь, ушли вместе в туман. Нашли рюкзак и сандалию. — Пауза. — Одну сандалию.

— МЧС работает?

— МЧС прошлый раз тоже работало, — сказал Захар. — Два года назад. И позапрошлый раз — четыре года назад. Каждый раз — туман, каждый раз — вещи на берегу, каждый раз — никого.

Максим остановился.

— Каждый раз?

Захар тоже остановился. Посмотрел на него — долго, без выражения.

— Вы зачем сюда приехали? — спросил он наконец. — Не в архив — сюда. На берег.

Ночью.

— Проверить, — честно сказал Максим.

Захар кивнул — как будто это был единственный правильный ответ.

— Тогда смотрите, — сказал он и поднял фонарь.

Луч лёг на берег в сторону леса, и Максим увидел то, чего не заметил раньше: в тридцати метрах, у самой кромки деревьев, лежал ещё один рисунок — не спираль, а что-то другое. Угловатые линии, похожие на руны. Или на знаки. Камни в этом рисунке были крупнее, вдавленные глубоко в берег.

— Это не сейд, — сказал Максим.

— Нет, — согласился Захар. — Это другое.

— Что именно?

Рыбак опустил фонарь.

— Договор, — сказал он. — Его условия.

Он произнёс это так, как произносят слова, которые давно хотелось не произносить — с усталостью человека, который слишком долго нёс что-то тяжёлое и наконец поставил на землю. Не с облегчением. С усталостью.

Максим смотрел на камни.

Где-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.